СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

СОЛНЕЧНЫЙ ПРОИЗВОЛЪ

ИЗ-ВО СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ
ПАРИЖЪ
1 9 3 7

Двадцать пять экземпляровъ настоящей книги пронумерованы отъ 1 до 25 и въ продажу не поступаютъ

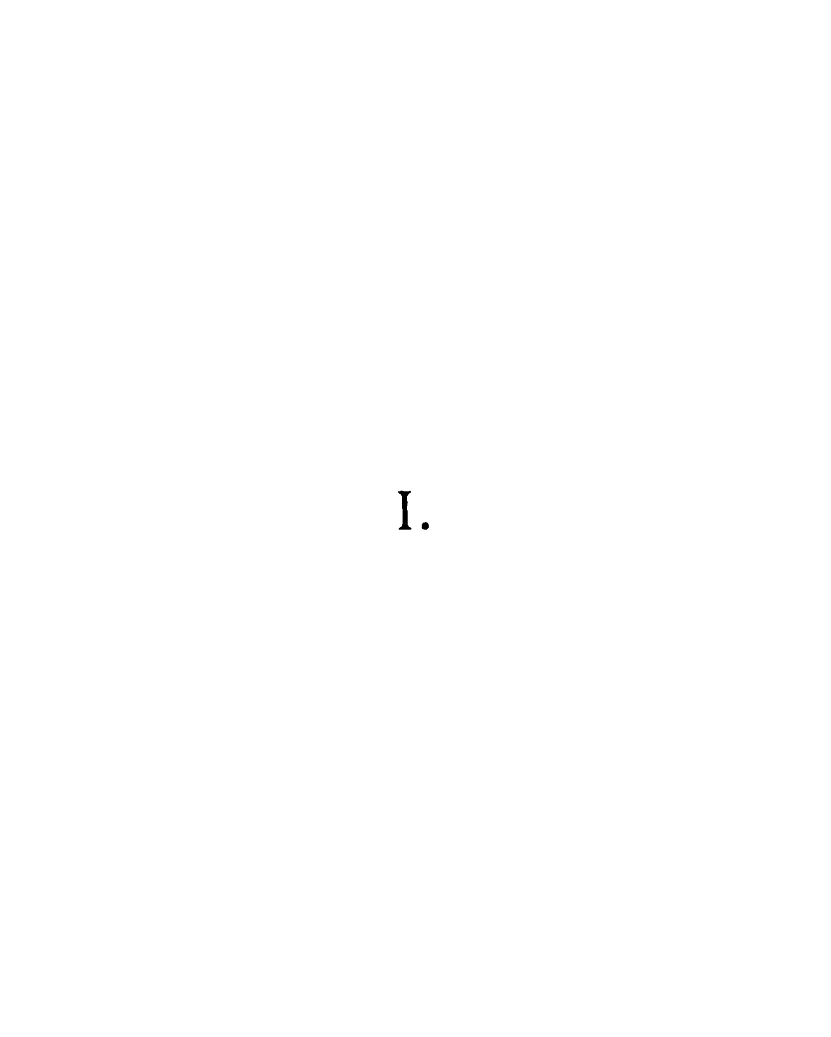
СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

СОЛНЕЧНЫЙ ПРОИЗВОЛЪ

ИЗ-ВО СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ
ПАРИЖЪ
1 9 3 7

Моему мужу, С. Н. Брейнеру,

эту книгу посвящаю.

I.

Я знала, въ тучѣ ширится гроза,
Она дождемъ должна пролиться скоро.
Пугливая сосѣдская коза
Топталась у невзрачнаго забора.

Миндальной вѣтки нѣжное крыло
Подъ вѣтромъ шевелилось, покрывая
Цвѣтами землю, и земля живая,
Какъ женщина, вздохнула тяжело.

Въ деревенскомъ хлѣбѣ чувствую зерно,
Въ чашѣ съ медомъ утопаютъ осы...
Солнца лучъ смѣшной и остроносый
Врѣзался въ открытое окно.

Если можешь, этотъ мигъ продли,
Этотъ часъ и благостный и ранній.
Облаковъ уходятъ корабли,
И туманъ, плывущій отъ земли,
Очищаетъ душу отъ желаній.

1935.

Чрезъ высокую красную рощу
Прохожу одинокой тропой,
Снова жизнь принимая на ощупь,
Какъ ребенокъ или слѣпой.

Обираю орѣшникъ прилежно
Загорѣлой отъ вѣтра рукой.
Я къ шершавому дереву нѣжно
Прижимаюсь горячей щекой.

По тропинкамъ кривымъ, невозможнымъ
Огибая чужіе сады,
Прохожу, веселясь нетревожно,
Поднимая деревъ придорожныхъ
Чуть наклеванные плоды.

Стрѣляетъ лучъ свѣтло и мѣтко,
На крышахъ тишина и дымъ.
Хлопочетъ бѣлая насѣдка
Надъ круглымъ выводкомъ своимъ.
Все то же, множество столѣтій
Подрядъ. Все тѣ же тополя
И на дорогахъ тѣ же дѣти.

Все та же въ неизбывномъ свѣтѣ
Живородящая земля.

Въ свѣтломъ домѣ, отъ всѣхъ отгорожены,
Мы безъ ставенъ встрѣчали разсвѣтъ.
Намъ въ коричневой сумкѣ кожаной
Почтальонъ не носилъ газетъ.

И безхитростно, безъ злословья,
Жизнь катилась чиста и тиха.
Насъ встрѣчали зрачки коровьи,
Провожали глаза пастуха.

Мы отъ всѣхъ городскихъ въ отличье
Жили просто, не зная прикрасъ,
Подъ лукавые оклики птичьи
И собакъ простуженный басъ.

Только темнозеленый лѣсничій
По утрамъ привѣтствовалъ насъ.

Духъ путешествій сафьяново - кожаный,
Шумы вокзала, гостиницы, пристани.
Пусть города неживые исхожены,
Путеводители всѣ перелистаны,

Есть на путяхъ золотое возможное
Счастье, чудесное и вездѣсущее,
Эти каналы, дома придорожные,
Крѣпкія розы, по камню ползущія.

Пригородъ есть, гдѣ живутъ рукодѣльницы
Въ нѣжномъ сіяніи кружева чистаго.
Есть еще страны, гдѣ пышныя мельницы
Крылья возносятъ чредой аметистовой.

ГЕНУЯ

Здѣсь надъ трескучей, бетонною
Площадью — облака ледъ.
Дерево вѣчнозеленое
Въ камнѣ убогомъ растетъ.

Улицы моремъ наперчены,
Вѣченъ церковный уборъ.
Божьимъ дыханьемъ очерчены
Цѣпи сіяющихъ горъ.

Древними исполинами
Трубы торчатъ вдалекѣ.
Дѣти въ лохмотьяхъ, съ корзинами
Женщина въ черномъ платкѣ,

Смуглые и одноцвѣтные
Въ этой январской веснѣ,
Въ голубизнѣ незамѣтные,
Смотрятъ на груды конфетныя
Въ празднично-сладкомъ окнѣ.

Въ сердитомъ водоворотѣ,
Той улицы не забудь,
Голодная мать въ лохмотьяхъ
Ребенку давала грудь.

Спокойно и безъ стѣсненья,
Или, можетъ быть, свысока,
Улыбаясь отъ наслажденья.
И лежали косыя тѣни
У коричневаго соска.

ВЕНЕЦІЯ.

Во дворцѣ, гдѣ суровые дожи
Размышляли надъ сонной водой,
На посланника странно похожій
Антикваръ поселился сѣдой.

Сняли пыль. Многолѣтнія щели
Заложили. Воскресло стекло,
И фарфоромъ столы запестрѣли,
И хрустальныя люстры запѣли
Переливчато и свѣтло.

И пришелъ покупатель, неистовъ,
Безпорядоченъ, жаденъ и скоръ,
И тяжелая поступь туристовъ
Омрачила сиреневый дворъ.

И, единственно, лучъ надъ каминомъ,
Гдѣ румяный огонь не трещитъ,
Озарившій подсвѣчникъ съ дельфиномъ,
Кружева, полумаску, плащи, —
Только лучъ показался стариннымъ,
Блѣдный лучъ изъ небесной пращи.

Блѣдный лучъ ложился подкошенный.
Яркій свѣтъ на разсвѣтѣ изранили.
Равномѣрно капли-горошины
О слѣпое стекло барабанили.

Было въ лавкахъ столпотвореніе
Красныхъ винъ. Были фрукты окрестные
И морскіе плоды и соленія.
У старьевщика въ запахѣ тлѣнія
Увядали Мадонны прелестныя.

Голоса раздавались многіе:
По утрамъ продавцы лукавили,
И шумливые, босоногіе
О подачкѣ дѣти гнусавили,

Въ переулкѣ, гдѣ жили, стяжали,
Засыпая въ чаду фіолетовомъ,
Гдѣ любили, пѣли, рожали,
Хоронили въ гробу глазетовомъ.

CAMPO SANTO.

Шоколадныя тощія плитки
И въ бокалѣ густѣющій медъ.
Продавали цвѣтныя открытки
У кладбищенскихъ тяжкихъ воротъ.

Тамъ звенѣла зеленая сдача,
За подачкой тянулась рука.
Привозила бывалая кляча
На послѣдній покой старика.

Въ самомъ жалкомъ и нищенскомъ рангѣ
Былъ запыленный узенькій крепъ.
Улыбался коричневый ангелъ,
Охраняющій мраморный склепъ.

И, какъ будто покрытое лакомъ,
Спало кладбище, спрятавъ лучи,
Но никто изъ людей не заплакалъ,
И не сморщились вѣки ничьи,

Когда дроги качались пьяно,
Разгоняя мучительный страхъ,
И шагали могильщики рьяно,
И у родственниковъ оловянныхъ
Леденѣла скука въ глазахъ.

Куда бъ ни ѣхать розовой долиной,
Отъ солнца тяжелѣетъ голова.
Цвѣтетъ миндаль, колышатся маслины,
Подъ зноемъ спитъ высокая трава.

Мелькаютъ одинокія деревни,
Придавленныя тяжестью вѣтвей.
Въ нихъ камень и обвѣтренный и древній
И вѣковое кружево церквей.

И города, гдѣ пальмы желтый вѣникъ
Все хочетъ небо пыльное мести.
Тамъ сонно черезъ улицу священникъ
Бредетъ, глаза на землю опустивъ.

1935.

ВАЛЬДЕМОЗА.

На окнахъ дозрѣваютъ дыни
И дремлетъ кошка, рыжій звѣрь,
И входитъ полдень темносиній
Въ полуоткрывшуюся дверь.

Былъ монастырь, и вотъ не стало,
Ушелъ покой отъ этихъ стѣнъ,
И такъ нежданно прозвучало:
Сто лѣтъ назадъ здѣсь жилъ Шопенъ.

Былъ слабъ и немощенъ. Безъ палки
Тогда не двигался. Балконъ
Былъ тотъ же самый, тѣ же балки,
Былъ тотъ же яркій небосклонъ,

И виноградъ и розы, даже
Высокій стулъ у камелька.
Я знаю, блѣднаго трельяжа
Касалась тонкая рука,
Я помню небо въ свѣтлой пряжѣ,

И ничего мнѣ не разскажетъ
Скрипучій смѣхъ проводника.

Небывалыя полосы свѣта,
На витражахъ полдневный пожаръ...
Смуглый нищій бросаетъ монету
На оливковый тротуаръ.

На площади лучъ куражится.
На камнѣ, гдѣ я стою,
Гитара фальшивитъ, кажется,
О счастьи въ чужомъ краю.

Святые собора каменны,
Неподвижны, подобны свѣчѣ,
Что въ небесной сіяетъ храминѣ.

Но цыганка проходитъ, и пламенны
Лохмотья на кругломъ плечѣ.

Мнѣ все равно, что будетъ послѣ,
Такъ небо яростно горитъ,
И двигаетъ ушами осликъ,
И солнце камни серебритъ.

Веревкой сѣрой подпоясанъ
Проходитъ медленно монахъ.
Я вижу съ каменной террасы,
Какъ лучъ играетъ на волнахъ.

Какъ пышно утро распустилось,
И скоро станетъ жаркимъ днемъ.
Я принимаю міръ, какъ милость,
Я нахожу Тебя во всемъ.

БАРСЕЛОНА.

Всю ночь толпа гудѣла подъ окномъ.
Гитара пѣла весело и рѣзко,
Настойчиво трещала объ одномъ.
Большой фонарь тревожилъ занавѣску.

Я дважды выходила на балконъ
Смотрѣть на дѣвушекъ простоволосыхъ,
На всѣхъ, кто ночи нарушалъ законъ.

Дрожалъ отъ крика легонькій балконъ,
И шли въ обнимку пьяные матросы.

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА.

Англичанина въ каскѣ и гетрахъ
Темнобурый провозитъ оселъ.
Ни движенья, ни пыльнаго вѣтра,
Только солнечный произволъ.

Это огненная осада,
Всесжигающій небосклонъ,
И таинственная ограда,
И фонтана лѣнивый звонъ.

Бьетъ бочаръ въ широкое днище,
И кофейня спитъ въ чистотѣ,
И орѣхъ бѣлѣетъ, очищенъ,
На пахучемъ и остромъ листѣ.

Это сердится буйволъ въ загонѣ
И жуютъ козлиные рты,
Это фиги краснѣютъ спросонья,
И ростутъ изъ земли вороньей
Огнедышащіе цвѣты.

МОНАКО.

И надъ лавромъ и надъ чинарой
Солнце пѣло Надъ пышной водой
Были чайки Сановникъ старый
Проѣзжалъ въ немодномъ ландо.

Представительные военные
Золотой стояли стѣной.
Въ переулкѣ, гдѣ все черно,
Самъ кабатчикъ расхваливалъ пѣнное
И коралловое вино.

На чугунной подставѣ пушечной
Спалъ ребенокъ. Лоснилась скала,
И на ядрахъ плѣсень цвѣла,
И звонили въ столицѣ игрушечной
Легковѣсные колокола.

ВЪ КАЗИНО.

Пряди сѣдыя и влажныя
На кукольномъ парикѣ.
Смятыя деньги бумажныя
Дрожатъ въ голубой рукѣ.

Радости всѣ истрачены
Любовницей и женой.
Бархатомъ перехвачены
Складки шеи больной.

Ея достоянье: черные
Вокзалы и города,
Гостиницъ огни повторные
И кладбища лебеда.

Ей только въ картахъ покорная
Судьба отвѣчаетъ всегда.

Смолистый воздухъ и тяжелый
Еще мучительнѣе днемъ.
Скользятъ высокія гондолы
Въ старинномъ траурѣ своемъ.

Сквозь водяную пыль не сразу
Проходитъ солнца бахрома.
Дворцы Венеціи безглазы,
Ея изранены дома.

По вечерамъ въ каналахъ плѣнный
Фонарный свѣтъ. Печальный лавръ
Подъ колоннадой неизмѣнной.
Тепло отъ музыки военной,
Отъ барабановъ и литавръ

На бѣлой площади атласной,
Гдѣ ходятъ важно, не спѣша,
Гдѣ вижу въ синевѣ неясной
Съ венеціанкою прекрасной
Приземистаго торгаша.

СТАМБУЛЪ.

Радость была все та же:
Столъ кофейни просторной,
Осликъ съ большой поклажей,
Проходящій покорно.

Курили молча сосѣди
Табакъ сухой и пахучій.
Кофейникъ изъ желтой мѣди
Сіялъ, какъ солнце за тучей.

Городъ лежалъ пустыней,
Дремали нищіе, стоя,
И пѣнился кофе синій,
Отражая небо густое.

1934.

Гнѣздился мохъ въ зеленыхъ нишахъ,
Былъ трескъ жестянокъ, хрустъ корзинъ,
Росла трава на плоскихъ крышахъ,
Дискантомъ плакалъ муэдзинъ.
А на горѣ былъ блескъ базара,
Въ кофейняхъ кости, шумъ игры.
Тамъ продавецъ сухой и старый
Предъ покупателемъ ковры
Бросалъ, и краски ихъ пестрѣли
На солнцѣ мѣдномъ и живомъ.
Свистѣлъ погонщикъ, птицы пѣли,

И въ этомъ утрѣ голубомъ
Былъ ревъ осла нѣжнѣй свирѣли.

Молока синеватыя ведра
И надрѣзанный сыръ золотой,
И хозяйка, широкая въ бедрахъ,
Надъ шипящей, шумливой плитой.

По высокой и сводчатой кухнѣ
Важно ходитъ раскормленный котъ,
Въ темныхъ дверцахъ кукушка поетъ
Часъ за часомъ о томъ, что не рухнетъ
Міръ священныхъ домашнихъ заботъ.

Мимо скучныхъ домовъ и направо,
Мнѣ къ базару дорога легка.
Тамъ пучками душистыя травы,
Тамъ забрызганный фартукъ кровавый
Одноглазаго мясника,

Сѣрый котъ и пугливый и жалкій,
Что на рыбу глазѣетъ въ тоскѣ,
И въ платкѣ деревенскомъ гадалка...
Тамъ сухой гіацинтъ и фіалки
На некрашенномъ, бѣдномъ лоткѣ.

1935.

Пріѣхалъ циркъ. Опять повозокъ скрипы,
Рычанье льва, фанфаръ небесный громъ.
На площади, гдѣ тишина и липы,
Воздвигли изъ холста высокій домъ.

Тамъ выросъ онъ огромной массой черной
Среди фургоновъ, клѣтокъ и колесъ.
Спустились дѣти изъ деревни горной,
Гдѣ шелъ съ утра горячій сѣнокосъ.

Зажглись огни, сердитый свѣтъ ужалилъ,
И колоколъ разсыпался, звеня...
И старый клоунъ жадно зубоскалилъ,
И бѣлыя наѣздницы ласкали
Подкрашеннаго бѣлаго коня.

Все смѣшалось: люди и звѣри
И собакъ простуженный лай.
Въ тѣсной клѣткѣ жесткія перья
Кривобокій терялъ попугай.

Не подъ небомъ густымъ, не въ полѣ,
Вы на площади видѣть могли бъ
Канареекъ, рожденныхъ въ неволѣ,
И пугливыхъ маленькихъ рыбъ.

Все смѣшалось: крыши, панели
И сердитаго города громъ.
Только голубя крылья синѣли,
И зеленыя птицы пѣли
Надъ янтарнымъ тяжелымъ зерномъ.

Чинно ребенокъ воскресный
Синій сосетъ леденецъ.
Солнечно, пыльно и тѣсно,
Слышится плачъ неумѣстный,
Выстрѣлъ, бряцанье колецъ.

И между бѣлыхъ платановъ,
Кѣмъ-то поставлены въ рядъ,
Главы блестятъ балагановъ
И карусели горятъ.

Не поможетъ морское дыханье,
Не помогутъ вѣтра струи.
За собой мы повсюду тянемъ
Городскіе недуги свои,

Взоръ блуждающій, обликъ угрюмый,
Дождевые, смѣшные зонты,
Въ чемоданахъ бѣлье и костюмы,
Душу, полную суеты.

И гудитъ на дорогахъ сирена,
Обѣщая злую бѣду,
И цвѣты уже пахнутъ тлѣномъ,
И газеты шорохъ презрѣнный
Покрываетъ пѣнье въ саду.

Молчали, страшныя слова
Произнести еще не въ силахъ.
На клумбахъ, будто на могилахъ,
Росла высокая трава.

Въ саду, гдѣ воробьевъ жилище,
Гдѣ мраморъ мертвеца желтѣй,
Гдѣ больше стариковъ и нищихъ,
Чѣмъ хилыхъ маленькихъ дѣтей,

Гуляли мы. Деревьевъ купа
Вростала въ пыльный небосводъ.
Кричалъ торгашъ. Валилъ народъ.
Мы о любви молчали скупо.

Пойти не знаю куда мнѣ
Въ неживомъ городкѣ.
Дома изъ бураго камня
Жмутся къ желтой рѣкѣ.

Соборъ, гостиница, кровли,
Словно птичій насѣстъ.
Въ галантерейной торговлѣ
Есть уборъ для невѣстъ.

Въ пивной, гдѣ свѣтъ еле виденъ,
Кости мечетъ рука,
Но жребій всѣхъ незавиденъ,
Но гробъ дубовый солиденъ
Въ лавкѣ гробовщика.

Скамейка, спины стариковъ,
Согнувшіяся безотрадно.
На свѣтломъ небѣ безпощадно
Слѣпое солнце бѣдняковъ.

Большое, круглое оно
Терзаетъ, плоти не жалѣя.
Все обезцвѣчено давно
На этой узенькой аллеѣ:

Въ сосудѣ мутномъ лимонадъ
Съ плывущимъ ломтикомъ лимона,
И чей-то полусонный взглядъ,
И чей-то траурный нарядъ,
Въ его лучахъ почти зеленый.

1934.

Эта осень разрыва условнѣй,
Тотъ же холодъ и пустота,
Тѣ же нищіе у моста,
Тѣ же угли дымящей жаровни.

Опустѣвшая улица. Ледъ
Голубыхъ огней ресторана,
Тѣ же мертвые листья каштана,
Что сентябрьскій вѣтеръ мететъ.

ВЪ ПАРКѢ.

Въ тотъ день земля кружилась все быстрѣй,
Предчувствуя сіяющее лѣто.
Терзалъ младенецъ плюшевыхъ звѣрей,
И дѣвочки плели свои секреты
Подъ сонное дыханье матерей.

Въ травѣ цвѣты невидные цвѣли,
Но темныя деревья были голы,
Какъ будто распуститься не могли,
И въ мартовской утоптанной пыли
Валялся мячъ, какъ радуга веселый.

Въ послѣдній разъ дымящіе заводы,
Бетонные, большіе корпуса,
И городъ кончился. Поля и огороды
И синяя дороги полоса,

Цвѣтные маки, васильковъ просвѣты,
Полуденнаго неба глубина.
Въ лѣсахъ грибы, когда созрѣетъ лѣто,
Зимою въ нихъ и хрустъ и тишина.

И городъ кончился, здѣсь васильковъ
просвѣты
И ласковая хлѣба сѣдина.

По зеленому бѣгали скату,
Перепрыгивая черезъ ровъ,
И встрѣчали козъ бородатыхъ
И сердитыхъ молочныхъ коровъ.

Проходила дѣтей орава
По травѣ, что отъ солнца суха.
Мы видали въ шляпѣ дырявой
Малорослаго пастуха.

Было пѣнье цикадъ для слуха
И для глаза небо безъ дна,
И бредущая въ черномъ старуха
На вопросъ пролаяла глухо,
Что не здѣшняя она.

1934.

Поетъ дерзновенно и дико
Потока таинственный громъ.
Ребенокъ несетъ землянику,
Стучитъ деревяннымъ ведромъ.

Вхожу въ этотъ свѣтлозеленый
Покой, гдѣ струится рѣка.
Сюда серебристые звоны
Доносятся издалека.

Полетъ отмѣчаю вороній,
Деревья въ закатномъ вѣнцѣ.
Я чувствую, будто спросонья,
Прохладныя вѣтра ладони
На разгоряченномъ лицѣ.

Яхты въ синій туманъ уходили,
И прибой бѣлоснѣжнымъ хвостомъ
Неустанно вилялъ, и трубили
Проходящіе автомобили.

Полицейскій бѣлымъ перстомъ
Останавливалъ черную свору
Всѣхъ машинъ. Въ этотъ мигъ тишины
Шумъ прибоя врывался укоромъ.

И ни блѣдные люди съ проборомъ,
Ни дѣвицы съ разсѣяннымъ взоромъ
Не могли заслонить весны.

Рѣдко -рѣдко прошлое мелькало
Въ легкой и свободной головѣ.
Каждый день гуляли до вокзала,
Путаясь въ коричневой травѣ.

Не осталось больше безпокойныхъ,
Прыгающихъ, воспаленныхъ словъ,
Ни угрозъ, ни мыслей недостойныхъ...
Былъ за нами шагъ коровъ удойныхъ
И напѣвъ пастушьихъ голосовъ.

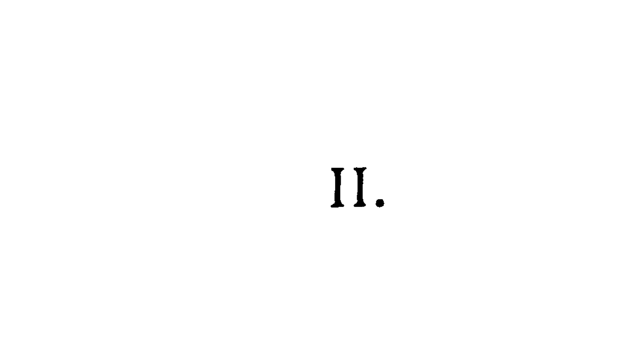
Оттого, что крестьяне спокойны
И работаютъ безъ суеты,
Я не вѣрю въ смерти и войны
И разрушенные мосты.

Въ этомъ мірѣ безъ виноватыхъ
Всѣмъ дожить до предѣла дано,
И не будетъ заложниковъ взятыхъ,
И не будутъ чужіе солдаты
Пить у стойки чужое вино.

Если не станетъ дѣтей и влюбленныхъ,
Если жизнь возьметъ на штыки,
Все жъ останутся травы и листья клена
И поющіе ручейки.

Если вся молодежь уйдетъ подъ валторну
Въ безъисходный военный адъ,
Вѣковая старуха въ накидкѣ черной
Сбережетъ деревенскій садъ.

Такъ же солнце взойдетъ въ пѣтушиной
брани
Надъ разсвѣтною полосой,
И надъ полемъ туманъ подымется ранній,
И цвѣты, которымъ не помню названій.
Одѣнутся бѣлой росой.

II.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ.

Заливай поля и долины,
На щекахъ младенца краснѣй,
Освѣщай широкія спины
Кучеровъ, полозья саней.

Въ новогоднемъ ликующемъ блескѣ
Огневыя стрѣлы мечи,
Разсыпай въ глухомъ перелѣскѣ
Горностаевые лучи.

Въ переулкѣ расцвѣчивай тѣсномъ
Спиралью вьющійся дымъ,
Ты играй на платкѣ воскресномъ
Зеленымъ и голубымъ.

Ты заборовъ скучнѣйшія доски
И уличные фонари,
Молоко на скрипучей повозкѣ,
Ты булочной крендель плоскій
Золотымъ лучемъ озари.

Мы зиму позабыть успѣли,
Косматыхъ будней череду.
Заборъ изъ низкорослой ели
И гимназической шинели
Великолѣпіе на льду.

Въ сосновыхъ лапахъ снѣгъ тяжелый,
И снѣгъ въ негнущейся рукѣ,
И трубача большое соло
На розовѣющемъ каткѣ,

И сумерекъ разливъ зеленый,
И безотчетный дѣтскій страхъ,
Неровный стукъ въ груди влюбленной,
На проволокѣ лампіоны
И воробья на проводахъ.

Сани плывутъ, разсыпается
Звонкій, сухой переборъ.
Лыжникъ скользитъ, улыбается,
Рѣжетъ веселый просторъ.

Тише небесъ и безмѣрнѣе
Скованная вода.
Надъ проводами вечерняя,
Первая всходитъ звѣзда.

Зимнему сердцу свободнѣе,
Каждый вздохъ берегу.
Ярче камней, благороднѣе,
Ягоды прошлогодніе
Свѣтятся на снѣгу.

Ходитъ дѣвушка въ снѣжномъ беретѣ,
За спиною бряцаютъ коньки.
Ей навстрѣчу собаки и дѣти,
Разрумяненные старики.

Видитъ глазъ, отдохнувшій и зоркій,
Цѣпи горъ въ снѣговомъ далекѣ,
И огромныя чудо-восьмерки
На раскатанномъ синемъ каткѣ,

И пронзающій и необъятный
Горизонтъ, и сосну на скалѣ,
Прямо къ солнцу растущую статно,
И простѣйшая радость понятна
На очищенной снѣгомъ землѣ.

Въ печи огня трескучій танецъ,
На окнахъ отъ дыханья кругъ,
На сонныхъ лицахъ у прислугъ
Ярчайшій яблонный румянецъ.

Отъ непогоды и мороза
Оберегаетъ крѣпкій домъ,
Здѣсь оттискъ пальцевъ блѣднорозовъ
На кафляхъ пышащихъ огнемъ.

И можно комнатному вѣрить
Слѣпому счастью. На зарѣ
Морозъ раскидываетъ перья,
Въ портьерахъ темныхъ тонутъ двери,
И фіолетовые звѣри
Играютъ въ прятки на коврѣ.

Лыжники строятся въ линію,
Праздничны и легки.
У конькобѣжцевъ инеемъ
Посеребрило коньки.

Дѣти, на гномовъ похожія,
Рѣжутъ лопатами ледъ,
И въ голубомъ бездорожьи
Надъ головою плыветъ

Нѣжное и безплотное
Облако въ полумглѣ.
Мчатся сани залетные,
И проходятъ добротные
Люди по снѣжной землѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Городъ въ еловомъ сіяньи,
Лапы собакъ на снѣгу,
Финскія лошади, сани,
Фырканье на бѣгу.

Кучеръ ругается люто,
Снѣгъ на подъемахъ глубокъ.
Пышной дохою окутанъ
Темный, мохнатый сѣдокъ.

Свѣтитъ въ послѣднемъ стараньи
Поздній фонарь, и слѣпа
Въ заиндевѣвшемъ туманѣ
Бѣлая рѣетъ крупа.

Въ шапкѣ лицо низколобо,
Прыгаетъ шубы пола,
Плачутся розвальни съ гробомъ.
Надъ безконечнымъ сугробомъ
Тянется нѣжная мгла.

Только растетъ надъ крестами
Праздничная синева,
Только лежитъ подъ мостами
Въ свѣтломъ нарядѣ Нева,

Только сосновыя длани
Въ паркѣ чудесно бѣлы,
Только въ сквозномъ одѣяньи
На государственномъ зданьи
Спятъ золотые орлы.

1937.

Немодныхъ креселъ плюшъ пунцовый,
Бамбукъ непрочный и кривой,
И стукъ копыта по торцовой,
Оледенѣлой мостовой.

Короткій полдень виноватый,
Полозья въ снѣжной тишинѣ,
Полоски разноцвѣтной ваты
Въ широкомъ стынущемъ окнѣ.

Мороза ласковая чистка,
Морознымъ духомъ день пропахъ,
И стало все свѣтло и близко:
Стекло въ колючихъ лепесткахъ,
Прохожій въ дымчатыхъ очкахъ
И даже въ подворотнѣ низкой
Прислуги въ розовыхъ платкахъ.

По комнатѣ слоняюсь въ день молочный.
Я слушаю шаги свои въ тиши,
Потомъ букетъ таинственно непрочный
Вправляю въ желтый глиняный кувшинъ.

Глядятъ со стѣнъ китайскіе уродцы,
Хрипятъ часы, со мной наединѣ,
И время не летитъ, а только льется,
И я пою и такъ легко поется,
Какъ-будто вся мелодія во мнѣ.

На душѣ становилось воскреснѣй,
Такъ и жили среди тишины.
Стали пѣться веселыя пѣсни,
Стали сниться легчайшіе сны:

О терпѣніи до могилы,
О любви въ небесномъ вѣнкѣ.
Черной павой няня ходила
Въ неизбѣжномъ вдовьемъ платкѣ.

Въ бѣлой комнатѣ, въ тихой яви
Умудренная съ нами была,
Чтобъ не смѣли ни лгать, ни лукавить,
Чтобъ судьбѣ удалось исправить
Всѣ грѣхи и лихія дѣла.

Припомни гулкій садъ и это лѣто
Среди военной музыки и шпоръ,
По гравію шаговъ нестройный хоръ,
Дѣвицу, продающую билеты.

Ты въ постарѣвшемъ сердцѣ обнови,
Размѣрно воскрешай, неторопливо
И камыши, и чей-то смѣхъ стыдливый,
И островъ на пруду, гдѣ были ивы, —
Онъ назывался Островомъ Любви.

1935.

Въ этомъ паркѣ бывали гулянья,
Пахло мохомъ отъ стынущихъ водъ.
Въ немъ сидѣли дородныя няни
И разсказывали про господъ.

А теперь тамъ пусто и хмуро,
И вороны летятъ на ночлегъ,
И смѣшался съ землею бурой
Безнадежный мартовскій снѣгъ.

Перестали скрипѣть ворота,
По деревьямъ прошлась пила...
И остались только дремота
И, средь всѣхъ непогодъ, позолота
На крылѣ большого орла.

Снова пальцы въ жестокія раны я
Опускаю, и боль свѣжа.
Утро бѣлое и домотканное
Предо мной. Столы ресторанные
Громоздятся въ два этажа.

Городъ спитъ и дышетъ молитвенно,
Пахнетъ дымомъ первый морозъ,
И войска уходятъ, по рытвинамъ
Тяжело бряцаетъ обозъ.

Я смотрю, но сердце отчаяться
Неспособно. Каменный плачъ
Давитъ плечи. Пыль не кончается.
Я смотрю, какъ въ сѣдлѣ качается
Отъ ѣзды опьянѣвшій трубачъ.

Забыто проклятое лѣто.
Кто въ сердцѣ слабѣющемъ стеръ
Туманный огонь лазарета,
Косынки жеманныхъ сестеръ?

И запахъ карболки и іода,
И хриплый на койкѣ финалъ,
И взводы, поющіе взводы,
И тѣсный солдатскій вокзалъ,

Прощальныя, пьяныя рѣчи,
Заборъ, семафоръ, провода,
Рыданьемъ согбенныя плечи,
И съ грузомъ, пока человѣчьимъ,
Идущіе въ смерть поѣзда.

Отъ сомнѣній и страха нечистаго
Люди прятались въ пуховики,
Ожидая, чтобъ въ полночь неистово
У подъѣздовъ заржали звонки,

Чтобы дверь задрожала отчаянно,
Заклиная кривую судьбу,
Чтобъ у стынущего хозяина
Посѣдѣли пряди на лбу...

И въ ночи бряцало оружье,
Штыкъ царапалъ, прикладъ дробилъ,
И бумаги плавали въ лужѣ
Опрокинутыхъ красныхъ чернилъ.

ПРОВИНЦІЯ.

Плачется мостовая,
Скачутъ телѣги по ней.
Въ бочкѣ вода дождевая
Старыхъ алмазовъ темнѣй.

Сводъ беззастѣнчиво-синій
Улицу жжетъ безъ конца.
Въ глинѣ тяжелыя свиньи
Роются у крыльца.

Серьги бѣлѣютъ цыганки
И ожерелье звенитъ.
Сохнутъ на солнцѣ баранки.
Въ лавкѣ колбасы и банки,
Ситецъ веселый на видъ.

Все, что давно надоѣло,
Видѣть душѣ суждено:
Охрою неумѣло
Крашенное окно,

Въ садикѣ мертвую тую,
Кладбище въ желтыхъ пескахъ,
Сплетницу городскую.
Здѣсь піанино тоскуетъ
Въ дѣтскихъ костлявыхъ рукахъ.

Гроздь акаціи, смола,
Помутнѣвшія отъ жара
Окна, улицы стрѣла
Отъ вокзала до бульвара.

Упоительная лѣнь,
Тяжки вѣки, мысли слабы.
Вотъ замшѣлый нищій, бабы,
Продающія сирень.

Мѣдяки на свѣтломъ блюдцѣ
Полустерты и темны,
Отъ крахмала юбки гнутся.
И, шатаясь отъ весны,
Отъ слѣпой голубизны,
Проходящіе смѣются.

ЯРМАРКА.

Торговались гортанно цыгане,
И кричали вороны во рвахъ.
Намъ показывали въ балаганѣ
Великана о двухъ головахъ

Пахли мыло и вяземскій пряникъ
И суровыя нити мочалъ,
И гнусавый и ласковый странникъ
Деревянною чашей стучалъ.

Тучи шапкой мохнатой висѣли,
И сверкалъ неказистый лотокъ
Ядовито - цвѣтной карамелью.
Были топотъ и звонъ, и веселье,
И заката крутой завитокъ,
И подъ нимъ балдахинъ карусели.

1934.

ВЪ ПОРТУ.

Опускаясь, скрипѣли грузы,
И мѣдь сверкала винта,
И мелькали матросскія блузы
Изъ некрашеннаго холста.

Мѣшки летѣли упруго
Въ зіяющій желтый трюмъ,
Великолѣпную ругань
Капитанъ отпускалъ угрюмъ.

Тамъ чайки слѣдили зорко
Добычу свою въ глубинѣ,
Тамъ люди на пыльномъ пригоркѣ
Томились въ полуденномъ снѣ...

Тамъ сіяли арбузныя корки
На подкрашенной солнцемъ волнѣ.

Была весна въ поджавшемъ ноги туркѣ
Табачной лавки, въ небѣ голубомъ,
Въ подъѣздахъ и домахъ безъ штукатурки,
Въ полупроснувшемся городовомъ.

Еще шатаясь проходили пары,
Уставшія отъ смѣха и вина,
Но сонный дворникъ чистилъ тротуары,
И въ рыжемъ вѣникѣ была весна.

Черный котъ свернулся горемыкой,
Черный песъ забрался въ холодокъ...
На ходу мороженщикъ покрикивалъ,
На ходу подпрыгивалъ возокъ.

Продавалъ лимонное, клубничное
И въ умѣ подсчитывалъ доходъ.
Брали всѣ: солдаты и фабричные,
И кухарки, и простой народъ.

И за нимъ несмѣтными дорожками,
Сладко разомлѣвшая съ утра,
Налетала воробьемъ за крошками
И звенѣла сдачею и ложками
Лѣтняя, лихая дѣтвора!

Сидѣли дачники у низкаго вокзала
Подъ блѣдножелтымъ глазомъ фонаря,
И паутина свѣтлая летала
По вечерамъ въ началѣ сентября.

И здѣсь цвѣты такіе, какъ на дачѣ,
На нашей дачѣ осенью цвѣли
Жужжали торопливые шмели
Совсѣмъ какъ тамъ, и все-таки иначе.

И годы шли безъ вѣры и удачи,
Далекіе отъ неба и земли

1935.

Каждый день былъ похожъ на ушедшій.
Сколько ихъ миновало съ тѣхъ поръ,
Какъ ходилъ городской сумасшедшій
Въ нашъ булыжникомъ устланный дворъ.

И безвозрастный, желтый и древній,
Весь въ восьмеркахъ невѣрныхъ шаговъ,
Онъ разсказывалъ намъ о царевнѣ
И о проискахъ давнихъ враговъ,

О тревогѣ, о черномъ несчастьѣ,
И о томъ, что расплата близка,
И въ отвѣтъ на смѣшки и участье
Нашимъ окнамъ, распахнутымъ настежь,
Темной палкой грозила рука.

Горестный воздухъ, соленый,
Столькихъ рыданій настой.
Свѣтлый ковчегъ Аарона,
Столъ для моленья простой.

Лампы горѣли неясно,
Сгорбленный служка молчалъ.
Намъ въ одѣяньи атласномъ
Вынесли Книгу Началъ.

И семисвѣчникъ настольный
Бронзовой чешуей
Нѣжно сіялъ. Добровольно
Къ символамъ многоугольнымъ
Сердце припало твое.

Другъ на друга боялись
Мы посмотрѣть, и намъ
Вѣчностью показались
Миги, когда прижимались
Губы къ святымъ письменамъ.

Мгла густѣетъ. За тонкой стѣной
Раздается стукъ боязливый,
Тяжкій хрипъ кукушки стѣнной.
А на кухнѣ, гдѣ дымъ пеленой,
Ей кастрюли вторятъ визгливо.

Но молящійся смотритъ въ окно
И не слышитъ. Голосомъ тающимъ
Подпѣваетъ. Слова какъ звено
Между нимъ и Отцомъ карающимъ.

Желтый глазъ къ полумраку привыкъ,
Плачутъ вѣки, слезъ не жалѣя,
И тревожно скачетъ кадыкъ,
И дрожитъ короткая шея

Онъ съ молитвой наединѣ.
Какъ у прадѣда и у дѣда,
Въ золотыхъ небесахъ, въ глубинѣ,
Не кончается съ Богомъ бесѣда.

Молитвы свѣтъ тебя берегъ,
Глаза въ улыбкѣ молодѣли.
Я помню блескъ твоихъ серегъ,
Твои браслеты, ожерелье,

Прикосновенье мягкихъ рукъ,
Скользящій шагъ по темной залѣ,
Высокій кованный сундукъ,
Гдѣ платья изъ парчи лежали,

И кладовую подъ замкомъ,
Возню на кухнѣ и заботу...
Я помню пышную субботу,
Сходившую на мирный домъ

На пергаментѣ тонкіе пальцы,
Очертанья безкровной руки...
Такъ умѣютъ молиться страдальцы
И безпомощные старики,

Подъ скрипѣнье и кашель жестокій,
Безъ начала и безъ конца,
Подъ миганье лампы высокой.
Такъ умѣютъ молиться пророки
И безхитростныя сердца.

1935.

Въ полутемной маленькой залѣ
Пробѣгалъ огонь по дровамъ.
Тамъ алмазныя серьги кивали,
Отвѣчая молитвы словамъ.

Дѣдъ молился сѣдой и кроткій,
Въ этотъ зимній день неживой,
Въ этотъ часъ заката короткій,
И смотрѣли старыя тетки
И въ испугѣ трясли головой.

Отреченія счастье высшее,
Съ Богомъ набожный договоръ.
Пальцы скорбные, брови нависшія,
Въ красныхъ жилкахъ старческій взоръ.

Столько боли на плечи навьючено,
Вѣтромъ горя грудь сожжена.
О страдающихъ и умученныхъ
Говоритъ ему тишина

И сіянье первоначальное,
И молитвы божественный гнѣвъ,
И размѣрное пѣнье печальное.

Подъ рыданье синагогальное
Онъ качается, руки воздѣвъ.

Касался вѣтеръ заповѣдныхъ струнъ
И пѣлъ о томъ, что все темно и бренно,
Но памятника царственный чугунъ
Торжественно синѣлъ и такъ надменно.

Шептались вдоль аллеи тополя,
Ползла старуха въ старой душегрѣйкѣ,
И согрѣвалась медленно земля,
И клятвами вонзались вензеля
Въ изъѣденное дерево скамейки.

Былого воздухъ безпечальный.
Въ особо-лѣтней тишинѣ
Хранятъ деревья обликъ бальный,
Окно кондитерской зеркально,
И тортъ красуется въ окнѣ.

И самоварный дымъ змѣится,
И мѣрно сумерки плывутъ,
И такъ молчанье долго длится...
О, если-бъ въ эту возвратиться
Страну любви и милыхъ путъ,
Гдѣ люди лѣнятся, а птицы
Въ людскомъ безмолвіи поютъ.
О, если-бъ въ это возвратиться!...

1934.

Никто не умретъ, ничего не случится,
Ничто не загубитъ весенней поры.
Свистятъ на балконахъ и люди и птицы,
И дворникъ поетъ, выбивая ковры.

Какъ будто бы сердце заговорило,
И кончился сразу лѣнивый покой,
Какъ будто для жизни другое мѣрило...
Сбѣгаю по лѣстницѣ, къ теплымъ периламъ
Слегка прикасаясь холодной рукой.

Навстрѣчу дачникъ въ чесунчѣ,
Арба и кучеръ полусонный.
Какой заборъ темнозеленый,
Какія дыни на бахчѣ!

Въ степи степенные волы,
За ними плугъ, качаясь, стонетъ.
Я растираю на ладони
Зарей пропахшую полынь.

Въ колодцахъ различаю дно.
Я сучья у кустовъ ломаю
И въ колосѣ ищу зерно.
И міръ въ лучахъ неузнаваемъ,
Какъ эта бѣлая, прямая
Дорога. Съ небомъ заодно.

Какъ веселыя буквы въ книгѣ начальной,
Въ глянцевитомъ твоемъ букварѣ,
Этотъ сѣвшій на крыши вечеръ сусальный
И акаціи въ серебрѣ,

И весна, и волна самоварнаго дыма,
И высокій соборъ на горѣ,
И дома, и домишки, плывущіе мимо, —
Это все почему то невозвратимо,
Какъ скрипѣнье воротъ на зарѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

II.

Того же автора:

«Разговоръ съ памятью»,

стихи, 1935 г.

Изд. «Числа», Парижъ.

Складъ изданія :
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS (VIe)
9, Rue de l'Eperon

Société Parisienne d'Impressions,
4 et 5, rue Saulnier, Paris (IXe).